

УДК 81'38

ББК 81.07

З 13

Заврумов З.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии факультета английского и романских языков Пятигорского государственного лингвистического университета, e-mail: k_mika@mail.ru

**Прагматическая структура иронии в аспекте языковой игры:
интенциональность и оценочность
(Рецензирована)**

Аннотация:

Целью статьи является изучение иронии в координатах языковой игры. Методология исследования базируется на синтезе когнитивно-семантического и прагматического подходов, что позволяет выявить фундаментальный характер интенциональности и оценочности в прагматической структуре иронии. Отмечается, что новые окказиональные смыслы, порождаемые в координатах семантического пространства художественного текста, способны порождать комический эффект, языковая игра маркирует жанр и специфику продуцирования индивидуального стиля, что становится условием выявления игрового характера иронии как их основного показателя. Особый статус иронии в семантическом пространстве художественного текста обуславливается образностью языковой игры и многообразием стилистических приёмов, посредством которых она реализуется. Ирония принадлежит к сублимированным оценкам, являясь эмоционально-оценочной категорией, необходимой для манифестирования духовного мира языковой личности, прежде всего, в отношении к идеалу. Прагматическая структура иронии ориентирована в координатах интенциональности и оценочности на имплицитное представление об идеале и гармонии. Значимость настоящей работы состоит в использовании её результатов в изучении иронии, прежде всего, в художественном тексте как дискурсивном пространстве в современной лингвистической парадигме в когнитивно-прагматическом аспекте.

Ключевые слова:

Прагматика, ирония, языковая игра, дискурсивное пространство, интенциональность, оценка, языковая личность, семантическое пространство, художественный текст.

Zavrumov Z.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Philology Department of Faculty of English and Romance Languages, Pyatigorsk State Linguistic University, e-mail: k_mika@mail.ru

**Pragmatical structure of irony in aspect of language game:
intentionality and estimation**

Abstract:

The aim of the article is to study the irony in the coordinates of the language game. The research methodology is based on a synthesis of cognitive-semantic and pragmatic approaches that reveals the fundamental nature of intentionality and evaluation in the prag-

matic structure of irony. The author points out that the new occasional meanings generated in the semantic space coordinates of a literary text are able to produce a comic effect. Language game marks the genre and the production specifics of individual style that becomes a condition to identify the game nature of irony as their main indicator. The special status of irony in the semantic space of a literary text is due to the imagery of language games and a variety of stylistic techniques by which it is implemented. The irony is a member of the sublimated estimates, being emotion and assessment categories needed to demonstrate spiritual world of language person, first of all, with respect to the ideal. Pragmatic irony structure is oriented in the coordinates of intentionality and evaluation to the implicit representation of the ideal and harmony. The significance of this work lies in using its results in the study of irony, especially in the literary text as a discursive space in modern linguistic paradigm in cognitive pragmatic aspect.

Keywords:

Pragmatics, irony, language game, a discursive space, intentionality, assessment, language personality, semantic space, literary text.

Последние десятилетия ознаменованы актуализацией исследования иронии с позиций прагмалингвистики, прежде всего, в плане возникновения и функционирования иронии в дискурсивном пространстве. В таком исследовательском ракурсе специфика иронии определяется при учете участников общения и коммуникативных ситуаций (пространственно-временных координат общения, адресанта и адресата, социального статуса, гендерной принадлежности, фоновых знаний и пр.). Художественный текст оценивается как дискурсивное пространство, которое закономерно имеет игровой характер.

Феномен игры характеризуется особой значимостью в координатах современного социокультурного процесса, что позволяет утверждать его междисциплинарный характер. Философская и культурологическая парадигма осмысливает это явление как основополагающее в жизни личности и в формировании культуры [См., например, 1]. Игра предстает в своём символическом значении, моделируя особое поведение и отражая нестандартность восприятия мира. В широком смысле под игрой понимается действие, происходящее в конкретных пространственно-временных координатах, подчиненное определенным правилам добровольного характера, имеющее прагматический

смысл, приводящее к позитивным эмоциям и зачастую вызывающее смех. Языковая игра в этой связи осмысливается как отдельный вид игры, который транслирует вербализованную посредством специфических кодов информацию, манипулируя языком. Трактовка понятия *игра* в таком ключе развита в работах Дж. Остина, Дж. Серля, рассматривающих языковую игру как взаимное переплетение лингвистических и нелингвистических действий в соответствии с правилами [2; 3].

Отметим, что данный ракурс рассмотрения игры слишком широк, т.к. в таком случае все художественные тексты могут быть квалифицированы как языковая игра: все авторы стремятся в своём творчестве к усилению выразительности. Целесообразным представляется ограничение языковой игры созданием комического эффекта. Языковая игра выступает одной из форм реализации комического в процессе общения, что позволяет обнаружить определенные коммуникативные стратегии, направленные на эффективное использование её прагматического потенциала. В процессе реализации языковой игры адресант намеренно нарушает функционально-семантические законы использования языковых форм, что позволяет характеризовать языковую игру как дискурсивное явление, обусловленное си-

туацией и рецептивно-интерпретативной деятельностью коммуникантов.

Способность языковой игры разрушать понятийные и языковые стереотипы приводит к тому, что в наибольшей степени она востребована в художественном тексте, где активизирует продуцирование художественных образов, задает вектор их восприятия, акцентируя внимание адресата на внешнем алогизме, парадоксальности суждений и событий, в конечном счете позволяя осуществить рецептивно-интерпретативную деятельность, в том числе и при учете имплицитности. Семантическое пространство художественного текста позволяет осуществить генезис новых окказиональных смыслов, которые обладают определенной выразительностью и порождают комический эффект. В лингвистической парадигме языковая игра признается маркером жанра, а также определяется как специфический механизм индивидуального стиля. Бесспорна также реализация языковой игры на всех языковых уровнях художественного текста, от фонетического и графического до лексико-стилистического и синтаксического.

Эффект языковой игры усиливается за счет реализации образных и стилистических приемов, в числе которых ирония занимает одно из центральных мест. Этому способствует ряд условий функционирования языковой игры:

- лингвокреативный потенциал субъекта языковой игры, основанный на его языковых компетенциях, прежде всего, на знании языковой системы и владении ее нормативными связями;
- реализация различных способов деконструкции языковых структур и обусловленных ими стереотипов восприятия речи;
- наличие у языковой игры определенного адресата.

Эффект языковой игры усиливается за счет реализации образных и стилистических приемов, в числе которых ирония занимает одно из центральных мест. Без-

условно, ирония характеризуется и особой интенциональностью, что обеспечивает оформление её прагматической структуры. Современная философская парадигма опирается на понимание того, что всё многообразие форм сознания, направленного на объекты, их действия и состояния, может быть описано с позиций интенциональности. Единого мнения о сущности интенциональности в настоящее время в гуманитарной парадигме отсутствует, однако все исследователи солидарны в том, что человек осмысливает и собственную, и чужую психическую активность в терминах интенциональных. Об интенциональности мы рассуждаем, вербализуя её посредством предиката, который обозначает конкретный вид состояния сознания, а также актантов, первый из которых отсылает к субъекту сознания, второй репрезентирует содержание этих действий или состояний. Интенциональность, принадлежа к проблемам когнитивистики, относится непосредственно также к сферам лингвистической семантики и прагматики.

Воспроизведение действительности посредством языка отражает познавательный опыт языковой личности, который, в свою очередь, обуславливается, спецификой её мировосприятия. Восприятие составляет фундамент и функционирования когниции, охватывающий ментальную и психологическую сферы деятельности человека. Результатом восприятия и когниции становится формирование понятий, закрепление и реализация которых вербальны.

Онтологический статус оценки определяется в тесной связи с категориями добра, красоты, истины, с этосом дискурсивного пространства в целом. Именно оценка транслирует «прямое и непосредственное восприятие красоты и безобразия действительности» [4: 6]. Несомненно основанность оценки на «чувстве прекрасного», в этом отношении она коррелирует с эстетическими категориями, что было установлено еще античными

философами, присоединявшими этическую и утилитарную оценку к эстетической. Так, например, Аристотель все добродетели объединял в рамках категории прекрасного, а ценное определял через его отнесенность к деятельности, которая соотнобразывается с добродетелью: «нравственно прекрасным зовут справедливого, мужественного, благоразумного и вообще обладающего всеми добродетелями [человека]» [5: 360].

Аксиология как учение о ценностях закономерно включает понятие оценки, которая становится объектом исследования философии, логики, психологии, лингвистики. В парадигме логики существует отдельная область изучения логики оценок, направленная на рассмотрение форм и формальных связей оценок. Одной из основных функций языка признается оценочная, наряду с описательной, причем их цели антиномичны: описание направлено на достижение соответствия слов миру; оценка стремится «сделать так, чтобы мир отвечал словам» [6: 160]. Поэтому правомерно понимание оценки и ценностей с позиций логики как неотъемлемых компонентов жизни человека. Мы присоединяемся к мнению Н.Д. Арутюновой о том, что оценка «выражает личное мнение и вкусы говорящего» [7: 6], она эксплицирует определенное отношение говорящего к феноменам внутреннего и внешнего миров (желание, поощрение, одобрение/неодобрение и пр.), выраженное в суждении, представляя собой один из компонентов стилистической коннотации.

Отношение говорящего к предмету речи составляет фундамент прагматической структуры иронии, основной иллюстрацией которой является «выражение негативной оценки» [8: 7]. Как многоуровневый феномен, ирония позволяет косвенно манифестировать критическое отношение к предмету речи. В связи с этим ирония включается в разряд оценочных значений, правомерно определение, данное Н.Д. Арутюновой: «*хорошее* значит

соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности: *плохое* значит несоответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [9: 181].

Такой вектор изучения оценочности позволяет дифференцировать дескриптивные и оценочные значения: первые транслируют характеристики окружающего мира, воспринятые человеком, вторые описывают отношения между реальной действительностью и идеализированной моделью мира. Поэтому оценка «вскрывает присутствие (или отсутствие) в действительном идеального» [9: 182], а оценочные значения создают возможность познания идеализированной модели мира, воздействуя на адресата и на ход событий. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что интенциональность и оценочность в прагматической структуре иронии тесно связаны и взаимно детерминированы.

Понимание и интерпретация оценки – операции, различные по природе и сложности: понять оценочное высказывание значит осознать отношение говорящего к объекту речи, в то время как интерпретация оценки формирует основы более сложного акта – расшифровки оценочного значения, она «направлена на переменный смысл слов в высказывании и самих высказываний» [9: 184]. Значит, и ирония, и оценка в целом нуждаются в декодировании прагматической структуры, зачастую имплицитной и многоуровневой.

Важной для осмысления прагматической структуры иронии представляется также таксономия аксиологических высказываний, предложенная Н.Д. Арутюновой как дифференцирование общеоценочных и частнооценочных значений. Общеоценочные значения ориентируют на итоговую итоговую оценку (хорошо / плохо); частнооценочные «дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» [9: 198], что обу-

словливает их многообразие. Н.Д. Арутюнова относит к частнооценочным значениям три группы: сенсорные, сублимированные и рационалистические оценки. Сенсорные оценки репрезентированы сенсорно-вкусовыми (вкусный – невкусный, душистый – зловонный) и психологическими (интересный – неинтересный, веселый – грустный) оценками. Сублимированные оценки – это эстетические оценки, которые коррелируют с представлениями о прекрасном и его категоризации, а также в эту группу входят этические оценки, связанные с чувством морали, нравственности, «вовлечены метафоры и интенсификаторы «высоты» и «низости»» [9: 199]. Рационалистические (утилитарные, нормативные, телеологические) оценки связаны с целью, пользой, функцией.

Разумеется, ирония как эмоционально-оценочная категория может быть непротиворечиво описана с позиций сублимированных оценок, т.к. всегда манифестирует духовный мир языковой личности, прежде всего, в его отношении к идеалу. Ирония становится маркером элитарности языковой личности [10], которая владеет необходимыми компетенция-

ми для реализации в семантическом пространстве художественного текста компонентов концепции мира. Высмеивание негативных черт в координатах иронии всегда имплицитно включает представление об идеале и гармонии. Это позволяет утверждать непосредственную отнесенность иронии к эстетическим и этическим нормам бытия.

Прагматическая структура иронии опирается, прежде всего, на высмеивание, целью которого становится целеполагание в виде трансформации объекта иронии в позитивном отношении. Несомненна конституирующая роль иронии в продуцировании и реконструировании «ценностной картины мира» [11: 7]. Закономерны многоуровневые связи иронии и оценки, которые осуществляют родственные цели, что способствует включению оценочности, наряду с интенциональностью, в состав прагматической структуры иронии. Важно отметить в этой связи, что ирония, как и оценка, всегда имеет вербализованную форму и структурируется на основе ощущений, эмоций и идеальных представлений языковой личности на основе осознания ею несоответствия мира сформированному представлению об идеале.

Примечания:

1. Хейзинга Й. Опыт исследования игрового элемента в культурологии // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Полит. лит. Мыслители и Писатели, 1991. 69 с.
2. Austin J.L. How to Do Things With Words. Cambridge, 1962; 2nd edition. Harvard University Press, 2005. 168 p.
3. Searle J.R. Taxonomy of illocutionary Acts // Language, Mind, and Knowledge. Minnesota Studies in the Philosophy of Language Science / ed. K. Gunderson. Vol. VII. Minneapolis, 1975.
4. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М.: Индрик, 2004. С. 5-29.
5. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 832 с.
6. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 345с.
8. Котюрова И.А. Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 25 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

10. Ашева А.А. Элитарная языковая личность как носитель культурно-речевой компетенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2. С. 19-23.
11. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с.

References:

1. Huizinga J. Homo Ludens. Study of the play element in culture // Self-consciousness of European culture of the 20th century. M.: Polit. lit. Thinkers and Writers, 1991. 69 pp.
2. Austin J.L. How to Do Things With Words. Cambridge, 1962; The 2nd ed. Harvard University Press, 2005. 168 pp.
3. Searle J.R. Taxonomy of illocutionary acts // Language, Mind, and Knowledge. Minnesota Studies in the Philosophy of Language Science / ed. K. Gunderson. Vol. VII. Minneapolis, 1975.
4. Arutyunova N.D. Truth. Good. Beauty: Interaction of concepts // Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of beauty and ugliness. M.: Indrik, 2004, P. 5-29.
5. Aristotle. Works. V. 4. M.: Mysl, 1983. 832 pp.
6. Ivin A.A. Fundamentals of the theory of argumentation. M.: VLADOS, 1997. 352 pp.
7. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact. M., 1988. 345 pp.
8. Kotyurova I.A. Linguistic and cognitive aspect of ironic discourse in modern German journalism: Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. SPb., 2010. 25 pp.
9. Arutyunova N.D. Language and the world of man. M.: Languages of Russian Culture, 1998. 896 pp.
10. Asheva A.A. Elite language personality as a carrier of cultural and speech competence // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2013. Iss. 2, P. 19-23.
11. Pivoev V.M. Irony as a cultural phenomenon. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University publishing house, 2000. 106 pp.